

The background of the cover is a light beige color with a subtle, cracked, mosaic-like texture. Scattered across the cover are several autumn leaves. In the top left, there is a large, light green and yellow leaf. In the top right, a thin branch with a few small, reddish-brown leaves extends across the frame. In the bottom right corner, there is a large, vibrant red leaf with serrated edges. The title and author's name are centered in the middle of the cover.

Светлана Смолина

КИТАЙСКАЯ ЧАШКА

Светлана Смолина

Китайская чашка

«Издательские решения»

Смолина С.

Китайская чашка / С. Смолина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837604-7

Он и она. Вечная история в ветхих декорациях маленькой московской квартиры. Он привык добиваться своего и все держать под контролем. Она никуда не стремится и не поддается контролю. Но как делить женщину, к которой тебя тянет неведомая сила, с другими мужчинами? И как отпустить, если без нее мир начинает рассыпаться, как древний манускрипт от случайного прикосновения? Чтобы у истории обид и сомнений был счастливый конец, Он должен забыть, кем была Она, а Она должна поверить Ему.

ISBN 978-5-44-837604-7

© Смолина С.

© Издательские решения

Содержание

Часть 1	6
Часть 2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Китайская чашка

Светлана Смолина

Дизайнер обложки Екатерина Глейзер

Редактор Ирина Илияш

© Светлана Смолина, 2017

© Екатерина Глейзер, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4483-7604-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

Крохотная квартирка с окнами на запад была настоящей занозой для жильцов бывшего доходного дома. На холеном теле свежепокрашенного фасада ее ветхие рамы смотрелись убого и неуместно, словно побитая молю заплатка на парадном камзоле. Несколько лет с настырностью майского жука сосед-бизнесмен пытался выкупить жалкие тридцать два сопредельных квадратных метра и безраздельно завладеть всей территорией этажа. Подобно искушенному дипломату накануне объявления войны он привозил из дальних поездок для несговорчивой соседки милые безделушки: то хрупкую японскую вазочку ручной работы, то редкое карманное издание Вийона, выловленное из книжных развалов Парижа.

– Коллекционируете? – вежливо вопрошали старички-букинисты, выглядывая из-за шатких книжных пирамид.

– Это для дамы! – сообщал он с некоторым неакадемическим презрением к женскому полу и к стихоплетству.

Книготорговцы, древние, как первый печатный станок, понимающе кивали и хмурились, передавая свои замшелые сокровища из любящих в равнодушные руки. А потом неодобрительно смотрели вслед этому русскому, будто больше него знали о той, которая свободно читала по-французски и не намеревалась добровольно сдавать свою маленькую крепость с окнами на запад в далекой Москве.

Хозяйка этого островка независимости, затерянного в джунглях мегаполиса, расцветала заученной улыбкой в дверном проеме, благосклонно шурилась на подношения и с аристократическим терпением ожидала, когда гость соизволит попрощаться. Он, как Антиной в покоях лживой Пенелопы, в глубине души сознавал тщетность своих попыток и не сомневался, что очередная вазочка займет свое место среди других бесполезностей за тусклым стеклом древнего серванта на подагрических ножках. И что ветхий Вийон присоединится к потрепанным Рембо и Бодлеру, с которых раз в неделю смахивают пыль. И его деловой интерес останется в той же мертвой точке, с которой началась эта история. Сознавал, злился, но ничего изменить не мог, раз за разом разыгрывая один и тот же дебют. Книги, сувениры, крохотные миниатюры под старину с видами Мюнхена, Севильи или забытой в горах швейцарской деревушки, аляповатые магниты на холодильник, поющие бамбуковые подвески – и река его фантазии обмелела и высохла. Он ждал уступки в обмен на незамысловатые сувениры и как бы невзначай озвученную стоимость квадратного метра, которая позволяла ей сменить тесный угол на современную квартиру в доме с консьержкой, подземным гаражом и налаженной инфраструктурой в микрорайоне. Но ожидание закончилось полным провалом.

Соседка, производившая впечатление мягкой и покладистой женщины, выслушивала его рациональные доводы в пользу сделки, без усилий удерживая рубежи вожаемой им территории, кивала, понимающе вздергивала чувственные брови, задумчиво водила пальцем по раскошемуся косяку... И не сдавала ни пяди своего мира. Причину, по которой она не желала съезжать из насиженного гнезда, будто пустила корни за обитой рыжим дерматином дверью, он угадать не мог.

Поначалу интеллигентный захватчик был убежден в легкой победе и даже мысли не допускал, что женщина станет упираться. Не сразу он заподозрил, что дело в цене. Следующие несколько месяцев, преодолевая природное умение считать деньги, которое партнеры считали несколько переходящей границы приличия прижимистостью, а жены – откровенной жадностью, сосед повышал цену квадратного метра, плавно двигаясь вверх по долларовой шкале. Однако, никто, кроме него и нынешней владелицы, на квартиру не претендовал, и он соревновался в цене лишь с самим собой и с ее упрямством. Он поднимал планку и перешагивал через нее, пока не доторговался до того, что стал опасаться если не за солидный банковский счет,

то уж точно за свои врожденные умственные способности. Судя по конечной цифре за тридцать два убогих квадрата, он готовился приобрести чуть ли не Георгиевский зал и запасники Грановитой Палаты одним лотом.

Однажды взбешенный, как черт в остывшей преисподней, почти отчаявшийся, погрязший во внутреннем конфликте между потребностью прирастить к своей квартире чужую площадь и скупостью, он вдруг прозрел, что зашел не оттуда. Что соседка, несмотря на понимающую улыбку и внимательные графитово-серые глаза, просто не в ладах с пространственным мышлением. И оттого астрономическая сумма за жалкую конуру не говорит ей главного: каким на деле будет ее новое жилье, куда она перевезет свою убогую обстановку, пыльную библиотеку и все его дареные вазочки-картинки. «Дура без фантазии!» Он окончательно определился с диагнозом и взялся за разработку новой стратегии.

Следующие несколько недель его риелтор в рамках завышенного бюджета подбирал варианты от таунхаусов в модном Куркино до монолитных новостроек на старом добром западе и уютно обжитом юго-западе столицы. Казалось, глянцевого проспекта вызвали у неплохо замаскированной дуры неподдельный интерес. Соседка подпирала дверной косяк и с заинтересованным видом внимала его многочасовым лекциям о достоинствах монолитов или малоэтажек, об удобстве планировок и преимуществах экологических материалов. Она даже задавала резонные вопросы, что на первых порах его подкупало. Она была такой, какой он хотел видеть разумного переговорщика, – внимательной и вдумчивой.

Их личные взаимоотношения продвинулись настолько, что она впустила его в крохотную прихожую, оставляя входную дверь целомудренно приоткрытой, будто опасалась быть скомпрометированной встречей с соседом. И если бы он не знал, чем эта скромница зарабатывает на жизнь...

Оживление переговоров на поверку оказалось иллюзией. Стоило после продуманной арт-подготовки попросить определенности в принятии решения, и она, в первый миг растерявшись, вновь вернулась к прежней мантре «не продается» и толкнула дверь на лестничную площадку, приглашая мужчину оставить за порогом ускользающую из рук надежду.

В конце концов, риелтор, измотанный бессмысленными поисками, заявил, что эта женщина – хитроумная идиотка, которая с самого начала и не планировала съезжать, и что заказчик совершает системную ошибку, оставляя на волю бабы столь ответственный выбор. Сосед выслушал зарвавшегося торговца недвижимостью с невозмутимостью палача, дожидаясь, пока приговоренный докурит последнюю сигарету, а потом без лишних слов уволил наглеца, не выплатив тому положенное вознаграждение. Но крайние меры в отношении риелтора не принесли даже временного удовлетворения, и к вечеру костер его гнева запылал с утроенной силой. Несговорчивая соседка слушала, как он беснуется на этаже, объясняя невидимым зрителям в доступных и абсолютно непарламентских выражениях, что он думает о ее, да и своих, умственных способностях.

Хлипкая дерматиновая дверь содрогалась от громоподобных раскатов его голоса, и женщина за нею опасливо утешала себя, что при всем неумном темпераменте он порядочный человек и не перейдет к боевым действиям. Он сам не дал бы и ломаного гроша за такие надежды. Сдержаться ему помогли не доводы разума, а отголоски чужих шагов на лестнице. По возвращении к себе раздосадованный полководец, покинутый коварным Аресом, шарахнул стальной дверью с таким неистовством, что в соседней квартире с потолка отвалился здоровенный кусок штукатурки, осыпав хозяйку белой пылью. Она встряхнулась, как выбравшаяся на берег выдра, и пошла за веником, удовлетворенно напевая несложный мотивчик. Эту партию ей снова удалось довести до логического конца без потерь.

Еще через пару месяцев, дав себе время успокоиться, а ей – отдохнуть от изнурительной осады, он предпринял очередное наступление, бросив главные силы на другой фланг. Его неожиданно посетило озарение, что выход из ситуации – вторичный рынок, потому что с евро-

ремонт и разумным расходом средств ей ни за что не справиться без мужской поддержки.

Для осуществления этой задумки ему пришлось довериться другому риелтору. И снова сосед улыбками и подношениями почти усыпил бдительность врага и, хитростью проникнув в маленькую квартирку, перетасовывал в ее прихожей папки с фотографиями и схемами, пытаясь доказать преимущества просторного типового жилья в спальных районах с налаженной инфраструктурой перед недостатками жизни в забитом машинами центре.

Соседка держалась настороженно, памятуя о настигающих его вспышках гнева. Рекламные проспекты она листала с рассеянностью гуманитария, вникающего в сложные математические расчеты, зато чаще с недоумением взглядывала на рассказчика. Выражение лица у нее становилось нездешним, как у людей, потерявших слух в далеком детстве. Подвижное лицо, приоткрытые губы, готовые что-то сказать, живые внимательные глаза – и молчание.

«Выбирай!» – командовал нетерпеливый гость, подпирая стену в прихожей, и разворачивал перед ней новый альбом с квартирами. Она драматически кивала и вздыхала над снимками. «Ну? Тебе же нравится эта!» Он требовал ответа, пытаясь прочесть загадку в ее упрямой голове. Женщина пожимала плечами и закусывала губу, закрывая выход для долгожданных слов. «Опять не то? Ты сама-то знаешь, чего хочешь?» – наконец не выдержал он, наплевав на приоткрытую дверь. Крик взорвал душный воздух прихожей, подобно рухнувшему из облака артиллерийскому снаряду. Альбом полетел под вешалку, где разметал коробки с обувью в доказательство, что в этой халупе даже повернуться негде. Хозяйка шарахнулась к зеркалу, ожидая худшего. С минуту они смотрели друг на друга, а потом она с опаской опустилась на колени, собирая разлетевшиеся бумаги. В том, как она складывала туфли с узнаваемой покорностью Золушки, перебирающей наряды взбалмошных сестриц, было что-то такое, с чем он расстался еще в детстве. Он не дал себе времени подобрать слова к забытым чувствам, и не дал ей времени разжалобить себя глупыми мыслями. «Да что ж ты за существо!» Мужчина бесцеремонно дернул ее за руку и впервые оказался в опасной близости от женщины, которую и женщиной всерьез не считал.

Этого единственного прикосновения, больше похожего на короткое замыкание, было достаточно, чтобы вектор его необузданных страстей вдруг поменял направление. В опасной близости от соседки пахло ментолом и дорогими духами. Он с пристальным вниманием коллекционера принялся разглядывать тонкую, будто светящуюся изнутри кожу на висках и полумесяцы изогнутых ресниц, какие рисуют на портретах восточных красавиц. Она оцепенела в плену его переменившегося интереса. Некоторое время они смотрели друг на друга, она – не чувствуя боли, которая разливалась по сжатому в железной хватке плечу, он – не чувствуя, что причиняет боль. Возможно, именно тогда сосед на собственной шкуре впервые ощутил, за какими благами в эту заброшенную лисью нору приходят богатые гости. Женщина угадала его мысль и дернулась, как лошадь с накинутым на шею лассо. Он разжал пальцы, недоумевая, что это было между ними. Соседка, избегая смотреть на гостя, толкнула входную дверь, без слов приглашая его уйти. Он обернулся уже за порогом на крохотный клочок чужого мира, исчезающий в дверном проеме, где несостоявшаяся принцесса потирала руку под широким шелковым рукавом, а на полу остались несколько пар дорогих дизайнерских туфель, поражающих своим несоответствием всей жалкой обстановке вожделенных им квадратных метров.

С того дня все неумовимо и, вместе с тем, бесповоротно изменилось. Она больше не впускала его за порог, нетерпеливо выслушивала очередной аргумент, мотала упрямой головой, отмечая любые доводы, и закрывала дверь, стоило ему добавить неудовольствия в привыкший командовать голос.

Мужчина, с рождения не наделенный даром терпения, терял его жалкие остатки, показательно бранился на лестнице, прислушиваясь к звукам за ее дверью, и сообщал язвительной и утомленной жизнью еще до рождения жене, что торгаши и шлюхи заполонили город.

Город, некогда покоренный его предками от поднявшихся в петровскую эпоху служилых людей до дедушки-академика и отца-профессора, не успевшего по случаю обширного инфаркта занять достойное место среди светил мировой науки, больше не принадлежал таким, как он.

Обычно за соседской дверью царил тишина. Иногда был различим голос прибывшего или уходящего посетителя, который баловал хозяйку комплиментом или фальшиво насвистывал пошлый шлягер. Самой хозяйки будто не было вовсе. Лишь объемные паузы вместо слов заполняли пустоты между мужскими репликами.

Исчерпавший подношения и аргументы сосед несколько раз предпринял попытку решительных действий, надеясь, что именно язык силы произведет на владелицу убогих тридцати двух квадратов должное впечатление. Но внушительное плечо, протиснутое в приоткрытую дверь, сурово сдвинутые брови и повышенный тон вызвали в упрямце лишь недоумение и нервный излом брови: «Это мой дом. Почему вы считаете, что ваши необоснованные претензии...»

Так тянулись месяц за месяцем, сложившиеся в года. Плелись по кругу, как отжившая свой цирковой век лошадь, все еще тоскующая по арене. В ход шел скандальный тон, не делающий чести респектабельному бизнесмену и потомственному интеллигенту, новые предложения, предсказуемый отказ, всплеск возмущения и демонстративное хлопанье металлической дверью с итальянскими сейфовыми замками. Бесконечные шахматные дебюты, где «белые начинают» и... почему-то проигрывают. За многословными колоннами пешек выдвигались ладьи аргументов, разгневанные слоны обманутых ожиданий, снова пешки. Серьезные надежды возлагались на внезапную вылазку ферзя, провокацию с победным прищуром: «Ну, вот сейчас-то». Ответом была глухая оборона черных: «Но мне не нужна большая лоджия, и на метро я не езжу!» И внезапное бескомпромиссное наступление белых на флангах почему-то проваливалось. А потом все возвращалось на круг: хитроумные ходы, дипломатические улыбки, пристальное изучение буквы закона и остро осознанная невозможность выиграть вопреки приложенным усилиям и назло здравому смыслу.

Почему она не соглашалась переехать и уступить ему эти жалкие метры, он даже предположить не мог. Получить квартиру с шикарной кухней, с двумя, а то и тремя комнатами, гардеробной, парой санузлов и огромной лоджией было выигрышным билетом для любого гражданина страны. Ни один здравомыслящий человек не способен отказаться от царского предложения ради жалкой полуразрушенной норы пусть даже в самом центре столицы. Будь она старухой, он бы даже попытался понять: родные пенаты, образы юности и призраки первой любви. Но она была еще в том возрасте, который не успевает обрасти ракушками воспоминаний и без трагедий расстается со старьем.

Ее осторожные возражения казались ему беспочвенными и надуманными. Поклонники никуда не денутся от ее талантов, просто поменяют явочный адрес. Впрочем, с чего он решил, что соседка хороша в роли любовницы для обеспеченных господ? Может, из-за необъяснимой покорности, с которой она открывала дверь. Или из-за грозовой глубины зрачков в рамке киношных ресниц, когда она торопливо опускала взгляд, оставляя себя настоящую в ином измерении, куда не могли дотянуться потными лапами ее похотливые гости. Или из-за роскошной волны тяжелых волос, по которым хотелось провести ласкающей ладонью. Он гнал мысли о ней, словно стаю гиен, и напоминал себе, что хочет не женщину, а ее квартиру. Но однажды в изрядном подпитии он будто со стороны увидел самого себя, безнадежно застрявшего перед дверью со связкой отмычек, ни одна из которых не подошла к хитрому замку ее необъяснимого женского упрямства.

Ему несколько раз снилось совсем уже невероятное: что от того, покорится ли ее грошовой мирок, зависит жизнь его собственного обширного и благоустроенного мира.

Застигнутый врасплох этими неправдоподобными снами, поутру он принимался осматриваться всерьез и заметил следы разрухи и запустения на окраинах некогда непобедимого

царства. Едва наметившиеся признаки упадка были везде, скрытые от легковесного взгляда, похожие на пушистые пятнышки плесени на срезе французского багета. Что-то необъяснимо разладилось в офисе, в отношениях с родственниками, в атмосфере собственного дома, даже внутри него самого, когда он заиклился на ожидании крохотной уступки от «дуры без фантазии». Он не мог победить и не мог отступить. Он хотел знать, откуда она брала силы противостоять его напору. С каждым поражением ему все труднее давалось вновь разворачивать боевые знамена и наводить заведенный порядок везде, куда простиралось его влияние.

– Есть разговор! – сурово объявил он после очередной беспокойной ночи, разгромной оперативки и скандала с придурковатым племянником, разбившим одну из его офисных машин. – Я не собираюсь торчать на лестнице, как участковый. Не хочешь у тебя – пойдем ко мне.

Соседка помедлила, обдумывая, нужен ли ей новый виток сутяжничества. Он без труда прочитал сомнения на ее фарфоровом лице антикварной куклы, запертой в пыльном сундуке, и, преодолев невидимую преграду, без приглашения ввалился в дом с бутылкой коньяка и решительно прошел в комнату.

Теперь, когда Рубикон был пройден без усилий, он снова уверовал, что теперь-то у жалкого сопредельного королевства нет иного выхода, как стать провинцией его империи. Соседка рассеянно осмотрела лестничную площадку и защелкнула хитроумную ловушку.

– О чем ты хочешь поговорить?

Мелодичный голос из сумрака прихожей звучал настороженно и глухо, а гибкий силуэт едва угадывался, как бледная тень призрака в глухой чаще.

– О погоде! – не сдержал едкой иронии гость.

Но вдруг осознал, что за тяжелыми шторами не было ни погоды, ни общих интересов и общих знакомых. Ничего из привычной для него жизни, о чем он бы мог с ней говорить. На полках стояли подаренные им безделушки и книги, и незнакомые безделушки и книги, видимо, принесенные другими гостями. В углу комнаты царствовала кровать, а на шатком журнальном столике вольготно расположилась массивная пепельница, к которой по-сиротски жались два хрупких бокала. Каждая вещь была на своем месте, и только он был лишним и впервые не находил слов для беседы.

– Ждешь гостей?

Под его весом потертое кресло жалобно пискнуло и заскулило, как придавленная болонка.

– Сегодня я отдыхаю.

– А обычно даешь стране угля? – К концу фразы он ощутил кислый вкус пошлости и поморщился, а по ее лицу скользнула неясная тень, но тут же исчезла. – Значит, вот так ты живешь. Не шикарно.

Он смущенно кашлянул и отвернулся от небрежно застеленной кровати, которая манила, как стриптизерша на шесте.

– Меня устраивает, – прошелестела соседка и присела на край постели, подоткнув ладони под колени. – Я тебя слушаю.

– Для начала свари нам кофе.

– Я не звала тебя на кофе.

Она все так же не подчинялась приказам и смотрела ему прямо в глаза со странной смесью настороженности и вызова. Захватчик, охваченный необъяснимой подростковой робостью, принялся искать спасения на книжных стеллажах, прогибающихся под тяжестью тяжелых фолиантов.

– Неужели ты все это прочла?

Стоило ему упомянуть библиотеку – предмет ее гордости, как голос хозяйки немного потеплел.

– Давай открою шторы. Тебе не видно.

Женщина проскользнула к окну, и удивленный гость подумал, что стоит ей зайти за плотный занавес, отделяющий их от города, сцена опустеет, в маленьком зале потушат свет, и он останется одиноким зрителем в театре без актеров.

– Оставь. Так лучше.

– Я думала, ты хочешь посмотреть книги, – вздохнула хозяйка.

– Книги подождут. Нам надо поговорить! – потребовал он, сделав упор на решительное «надо» и оставив бесхарактерное «хочу» до лучших времен.

– Опять? – Она даже не потрудилась скрыть разочарование под дежурной вежливостью и в тон ему подчеркнула разность их интересов: – И о чем тебе надо поговорить?

– По-твоему, я пришел играть в психоаналитика?

– Не то, чтобы...

Она слегка повела бровью, готовая к новой перемене темы. Сосед натянуто хохотнул, чтобы скрыть досаду, и женщина осмотрительно обошла его по широкой дуге, почти прижимаясь к стеллажам.

– Да брось! Как будто эти твои «пациенты» ищут разговоров о душе.

– Пожалуй, я все-таки сварю кофе.

За ней на кухню потянулась деликатная кисея из туалетной воды и ментола. Соседка ускользала от него, как вода сквозь пальцы, уворачивалась от его грубости и самоуверенности, оставляя после себя ощущение незаполняемой пустоты, чуждой природе. Он огляделся, примеривая чужую комнату к своим потребностям и освобождая от ненужной мебели и безделушек, и задержался взглядом на кровати. И вдруг что-то изменилось вокруг него. Перед глазами замелькала торопливая кинохроника всех этих ее «сеансов» под обманчиво расправленным пледом. Он услышал ритмичные скрипы, шепот, переходящий в стон, сбивчивое дыхание и щелчок ожившей зажигалки. Возможно, это безразмерная кровать в полумраке комнаты как-то по-особому преломляла пространство, вызывая из небытия порочные картинки и образы мужчин, побывавших в этой постели. Он провел ладонями по лицу, отгоняя наваждение, которое помедлило, но все-таки растворилось, как предрассветный туман.

Когда он обрел способность снова слышать звуки, его насторожила подозрительная тишина за стеной, где должны были звенеть ложки и постукивать дверцы шкафов. Он двинулся в кухню, чтобы поторопить хозяйку. Она держала на весу джезvu с чеканной виноградной гроздью и с отрешенным лицом смотрела в узкую щель меж занавесок. Он бесцеремонно взял ее за запястье. Женщина стряхнула с себя оцепенение и перевела на него все еще отрешенный взгляд.

– Извини, я задумалась...

– Все остыло, – по-стариковски проворчал он, возвращая медную джезvu на пляшущее над конфоркой пламя. – Доставай чашки.

Разговор не клеился. Вернее, непринужденная болтовня никак не хотела переходить к наболевшему вопросу. Беседа цеплялась то за старые обои в комнате, то за крохотную японскую гравюру, то за вкус кофе, какого он не помнил уже давно. Этот вкус вернул его на много лет назад, в Бразилию, куда однажды его занесла нелегкая со статисткой Мариинского театра, легкой на подъем, как семечко одуванчика под прозрачным зонтиком, но с тяжелым характером уверенной в себе светской львицы и стальной хваткой бультерьера. За океаном у них было слишком много кофе, куда меньше секса и без числа ссор, и уставший от скандалов любовник ждал окончания поездки, чтобы вернуть свою спутницу в северную столицу, как не подошедшую вещь в магазин, и забыть о ней навсегда. Так и вышло: спустя годы он почти не вспоминал о балерине и взаимных обидах, зато тосковал по ароматным чашкам кофеино, заставляющим сердце выпрыгивать из груди.

Каждое слово неспешной беседы крутилось вокруг давней проблемы, но ни одно не касалось ее напрямую. Развалившись в кресле с бокалом согретшегося коньяка, он не находил удобного момента напомнить несговорчивой соседке, как ему необходимы эти тридцать два квадрата. Как преобразится целый этаж, когда он сможет сломать стену, сдернуть пыльные занавески и поселить в расчехленном пространстве новой гардеробной платья и туфли жены и собственные костюмы и галстуки. «Назови свою цену», – мысленно обращался он к ничего не подозревающей женщине и отдавал себе отчет в пикантности непроизнесенной просьбы. Соседка держалась непринужденно, пила коньяк маленькими глотками и смеялась над его шутками, запрокидывая голову, как школьница. Он искал в ее смехе, в жесте, которым она откидывала волосы со щеки, в предложении новой порции кофе: «Хочешь еще?» ту же двусмысленность, которая владела им. Но она видела в нем приятного собеседника, заглянувшего на огонек, не более. А он рассматривал ее точеный профиль, склоненный над пламенем зажигалки, кудрявую струйку дыма, потянувшуюся к потолку, ухоженные пальцы, легким движением пробегающие по ключицам и вынуждающие его путаться взглядом в шелковом коконе ее халата, и, забыв о квартире, повторял одними глазами: «Назови свою цену». Вожеление владело им с первой минуты вечера, и мысль о цене кружила среди книг и мебельного антиквариата и зудела в голове, как пойманная в паутину муха.

В итоге он с жаром переключился на политику, словно хозяйка маленькой квартирки была его неукротимым оппонентом на выборах, а не продажной женщиной, принимающей политиков на широкой кровати. «Может быть, довольно?» – вкрадчиво спросила она, накрыв ладонью его опустевший бокал. Он оттолкнул ее руку и налил себе и ей коньяку, произнести романское название которого у нее получалось лучше, чем у него, наследника дедушки-академика, некогда призванного французским правительством читать лекции в Сорбонне. Она сдержала вздох и безропотно поднесла бокал к губам, но пить не стала. А он продолжил бездарно напиваться, втягивая ее в бессмысленную дискуссию. Изредка на его возмущенное: «Ты можешь себе представить!» или «И эти ошметки совкового менталитета...» она соглашалась: «Ты прав, конечно!» или с сомнением устремляла рассеянный взор к осыпающейся лепнине: «Но, может быть, если посмотреть на это иначе...», вытаскивая из собеседника поток напыщенных сентенций или водопад возмущения, в зависимости от поворота темы.

Под влиянием алкоголя она впервые оттаяла со дня их знакомства. Подливала ему свежесваренный кофе в китайскую чашку из тончайшего фарфора и сочувственно прикасалась к его запястью с тяжелым браслетом часов, обходясь без россыпи пустых слов. Она невинными вопросами пыталась увести его от политики по извилистой тропинке разговора, а он, напротив, искал спасения от разыгравшихся желаний в длинных монологах о судьбах страны. В столь высоких материях она не разбиралась и едва скрывала равнодушный зев, зато заметно оживлялась, когда речь заходила о нем самом, и, как опытный врачеватель, прикладывала к его саднящим ранам мягкие слова утешения и надежды.

– Все будет хорошо, – тихонько повторяла она, устроившись на ковре с поджатыми ногами, как наложница в гареме, и то и дело поправляла сползающую с колен переливчатую ткань, но он не слышал повтора и каждый раз пораженный замолкал, как будто она распаивала перед ним тайную дверь.

«Все будет хорошо», – уверяла она, даже если это «хорошо» не поддается рациональному объяснению. Даже если он устал, даже если сейчас ему тошно от постоянного стресса, и ярмо, которое он добровольно взвалил на себя, заставляет горбиться и временами проклинать все на свете. Он вслушивался в знакомые слова и почему-то хотел верить этой упрямой ослице, из-за которой потратил столько времени и сил впустую, вместо того, чтобы достроить свою квартиру и идти дальше. Хотя было неясно куда идти и когда наступит это «хорошо». Но она улыбалась и повторяла магическую формулу беспечной надежды, а привозной коньяк со слож-

ным французским названием пился легко, как «Колокольчик», и от шестой чашки кофе сердце заходило, как припадочный заяц.

Когда воздух в комнате от его и ее сигарет сгустился настолько, что стал видимым, а утыканная белыми и рыжими фильтрами пепельница почти скрылась в дымке от непогашенного окурка, мужчина вдруг вынырнул из алкогольного дурмана на поверхность.

– Откуда ты знаешь?

– Просто знаю! – Она дернула плечом, не желая открывать своих тайн, и поднялась с пола. – Еще кофе?

– Коньяк закончился, – с сожалением пробормотал гость и спрятал опустевшую бутылку под столик. – Куда уж кофе! Или ты решила нас угробить?

– Если так случится... – туманно начала она, направляясь в кухню.

– То мы умрем в один день от инфаркта, – с мрачной ухмылкой подхватил он и завладел ее прохладными пальцами. – Вернее, в одну ночь.

– Не от кофе, – возразила соседка и попыталась высвободиться. – Уверю тебя, не от кофе.

– Видали Кассандру! – Ехидство слов так противоречило его желанию довериться, что он и сам удивился этому парадоксу. – Откуда тебе знать?

– Я знаю. – Соседка упорствовала в своих заблуждениях относительно устройства мира, но машинально отступила, когда мужчина возвысился над ней и потянул за шелковый пояс. – Даже если ты не веришь.

– Так обрати меня в свою веру!

Бесшумное и безуспешное сопротивление одежды длилось несколько секунд. Проваливаясь в темноту желаний, он услышал ее сдержанный вздох и стук серебряной зажигалки, упавшей на вытертый ковер. Под ними обморочно качнулся упругий матрас, и мужчине стало нечем дышать в голубом аромате незнакомых духов.

– Скажи, как ты хочешь! – просил он, поворачивая к себе ее лицо с сомкнутыми ресницами и раскрытыми губами.

Она не отвечала, принимая его всего, с его накопившейся страстью, сомнениями, обидами и пугливой надеждой, которую дарила ему весь вечер. Он требовал признаний, но в ответ она сдержанно вздыхала и комкала в пальцах угол простыни. Даже сейчас, когда она уже принадлежала ему, он ощущал, что она все равно не сдалась, – упрямая хозяйка крохотной квартиры с плотно зашторенными окнами за запад, за которыми занимался дымный столичный рассвет.

Он очнулся от любовного похмелья посреди внезапно расцветшего утра, еще не зная, что навсегда отравлен ядом понимания и сострадания, что партия сыграна до конца и реванш потерял всякий смысл. Его мучила мигрень, злил цейтнот и беспокоили два десятка неотвеченных вызовов на экране мобильного. Он не задавался романтическими вопросами, когда она позволит увидеть ее снова или сможет ли он обрести свободу в чьих-то еще объятиях. Он старался не шуметь, не попадая ногой в штанину помятых брюк и выуживая из-под кровати носки. Задетый столик зазвенел грязными чашками, но она не пошевелилась, уткнувшись носом в сгиб локтя. Гость представил вульгарное обсуждение прошедшей ночи за утренней чашечкой кофе и фальшивый поцелуй на прощанье, и проникся благодарностью к ее глубокому сну. А соседка наблюдала за ним из-под ресниц, не обнаруживая своего бодрствования, и, когда заботливо придержанная дверь шелкнула стареньким замком, спрятала лицо в подушку и зарыдала горько и безутешно, как поруганная Аяксом Кассандра.

К вечеру следующего дня его мигрень разбилась о две таблетки обезболивающего, и он обрел способность полноценно думать и действовать. По дороге домой он даже не вспомнил о произошедшем накануне грехопадении и не посмотрел в сторону соседской двери. Ему хотелось тишины и покоя, однако уже за порогом своей квартиры он вспомнил, что ему предстояло

отложенное объяснение с женой. Спутница жизни встретила его в прихожей прохладным приветственным поцелуем, и даже ужин был уже разложен по тарелкам. Он натянуто шутил, без интереса переключал каналы на телевизоре и мысленно сочинял правдоподобную историю, где он провел предыдущую ночь. История, как нарочно, не сочинялась, и он украдкой взглядывал в бесстрастное лицо жены, представляя, как исказятся холодные черты, когда их обезобразит неверие и праведный гнев. Но она вела себя так, будто он был примерным мужем, и к концу ужина он перестал изводить себя глупым сочинительством. Его бездарный рассказ изобиловал массой пустых деталей. В нем фигурировали дальние родственники и забытый в офисе телефон, что никак не объясняло припаркованной до утра у подъезда машины. Но жена ничем не выдала недовольства или обиды, и ему даже в голову не пришло, что она тоже не хочет участвовать в этом фарсе и делать вид, что поверила в его шитое белыми нитками вранье. Удовлетворенный исходом вечера, он позволил себе пропустить пару стаканчиков виски, и после второго в хмельной голове будто щелкнул выключатель, а мысли и желания устремились к соседке почти против воли. Но жена с равнодушным зевком заметила: «Опять у подъезда служебная ауди. Что в ней находят эти самцы? Ни кожи, ни рожи. Обыкновенная лабораторная мышь». И пока он вникал в смысл сказанного, она окатила его понимающим взглядом и ушла смывать обманчиво-теплый дневной макияж с холодного лица.

Сосед, решивший, что теперь эта женщина принадлежит ему целиком, с ее крохотной квартиркой, понимающими глазами, умелыми руками и запахом кофе над китайскими чашками в тончайшей паутинке растрескавшейся эмали, почувствовал себя наивным мышонком, попавшим во вкусно пахнущую мышеловку. Угольно-черная ауди, длинная и враждебная, как вражеская субмарина, с приоткрытым люком, на ребре которого повисали и рвались отражения сизых облаков, как неделю, две недели, три месяца назад поджидала назад «избранника народа», сошедшего к электорату с депутатского Олимпа.

– Шлюха!

В нем росло и крепло озлобление против обеих женщин. Против той, что фальшиво напевала старый шлягер в его ванной, и той, что удовлетворяла прихоти высокопоставленных самцов в квартирке с геральдическими лилиями французских монархов на выцветших обоях.

Он смотрел перед собой невидящими глазами и представлял точеный профиль, выступающий из ванильного плена подушки, как оживший римский барельеф. То, как она неспешно отворачивает голову, уклоняясь от назойливых поцелуев, а потом загорается и целует сама, и вновь отодвигается, раздувая угли чужой страсти, чуть припорошенные усталостью.

Он знал ее сегодняшнего гостя по многочисленным фотографиям и телеинтервью. В этом человеке его нервировало все, от дорогого костюма с пришпиленным к лацкану триколором до базарного говора южных губерний и манеры чинно обращать одутловатое лицо к собеседнику, сомневаясь, стоит ли удостаивать его ответа. А теперь этот отвратительный боров был буквально у него за стеной, и сосед не мог отделаться от картинки, на которой тот слюнявит синюшными губами беззащитную женскую шею с пульсирующей жилкой, цепляется короткопалыми лапами за плечи и тянет к себе, на себя, задыхаясь в мутной похоти и ливневом потоке волос.

«Шлюхи, ненавижу!» Дотлевшая сигарета полетела в стоящую у подъезда машину, но своей цели не достигла, и сосед кулаком выместил злость на балконной двери.

Посвежевшая после душа жена с бесцветным лицом понимающе покивала на отказ присоединиться к ней и ее подругам в баре и принялась перебирать наряды в гигантском зеркальном шкафу, вросшем в сопредельную с соседской квартирой стену. После ухода супруги он впал в болезненное нетерпение, ожидая отъезда ауди. Наконец, блестя пробившейся сквозь редкий пушок лысиной, слуга народа вышел из подъезда и вскинул голову, насколько позволяла складчатая бычья шея, словно ожидал прощального жеста: воздушного поцелуя или взмаха платка.

Перегнувшись через перила, сосед с балкона силился увидеть сквозь задернутые занавески ее квартиры хоть какое-то шевеление или тень и с облегчением не увидел.

– Какого черта он приперся?

Незванный гость заполнил собой игрушечный коробок прихожей, отразившись от края до края в мутноватом настенном зеркале, искривляющем предметы то ли от старости, то ли по прихоти сумасшедшего зеркальщика. На ее лице застыла сдержанная улыбка, скрывающая настоящие чувства, и он во что бы то ни стало хотел сорвать ее. Но соседка наматывала на палец тонкую цепочку с золотой безделушкой и, казалось, нисколько не обиделась на то мерзкое и оскорбительное слово, которое он два часа таскал в звенящей голове и перекатывал по верхнему небу, как колючий шарик.

– Я никому не даю обетов верности.

– Ты еще хуже, чем я думал.

– А разве ты думал, когда остался? Ты всего лишь хотел шлюху и получил ее. – Беспощадная к себе, она не испугалась привычного ему слова. – И если ты ошибся...

– Я?

Он задохнулся от нахлынувшего гнева. Никто не смел указывать ему на его ошибки и просчеты! Тем более, эта шлюха, депутатская подстилка, дура без фантазии!

– Я ничего не обещала и ни в чем не солгала. – Она удерживала на губах синтетическую улыбку и не отводила чуть сощуренного пасмурного взгляда. – Возвращайся в свою благополучную жизнь.

– Вот это все моя жизнь! – не выдержал он и саданул кулаком по косяку двери. – Мне незачем куда-то возвращаться.

– Хорошо.

– Хорошо? Просто хорошо и все?

– Мне нужно прибраться и в душ.

Он был уверен, что она намеренно изводила его, подчеркивая свою независимость, и он, как всегда, не мог победить ее упрямство.

– Да и черт с тобой!

Сосед хлопнул дверью с такой силой, что в трех жалких метрах ее коридорчика снова под обоями зашуршала осыпавшаяся штукатурка, как мышиные лапки, но через несколько минут попросился назад, ложась всем весом на вытертую кнопку звонка. Соседка с опаской приоткрыла дверь, но, увидев вместо негодования почти мольбу в его всегда насмешливых глазах, примирительно улыбнулась и прижалась спиной к зеркалу, пропуская мужчину в дом. В комнате сладко пахло вином из высоких бокалов, но почти не было запаха дыма. Он с отвращением подумал, что ее недавний любовник, видимо, бережет здоровье и хотел сказать что-то язвительное. Но женщина ловким движением сдернула с разоренной кровати мятую простыню и ушла в ванную, и он постучал себя кулаком в наморщенный лоб, выбивая из головы призрак ушедшего гостя.

Ее опять не было слишком долго, и он, истомившись в ожидании, распахнул дверь. Клубы пара вырвались в маленький коридор, и мужчина остановился, ослепленный ярким светом. Большое полотенце соскользнуло с ее груди на пол и нахальной кошкой путалось у нее под ногами, у него не осталось времени отвести ее в кровать.

Потом он плескал себе в лицо холодной водой и рассматривал в запотевшее зеркало, охватившее половину стены, как она расчесывает волосы, которые длинными прядями соскальзывают по спине и пружинят, закручиваясь в тугие кольца.

– Хочешь пить? – спросила она, устав чувствовать его взгляд, и обернулась.

– Только не кофе!

Женщина кивнула и вышла, а он, опершись руками о край раковины, остался бездумно следить за перламутровым водоворотом слива, отражающим ослепительный, почти хирургич-

ческий свет. На кухне ее не оказалось, но, прежде чем отправиться на ее поиски, он раздвинул занавески. У подъезда уже зажглись фонари, и золотистая иномарка, приехавшая за вертихвосткой со второго этажа, сияла новеньким лаком. Сюда, к его женщине, как он опрометчиво позволил себе думать, приезжали черные представительские седаны или квадратные внедорожники. Вышколенные шоферы перегораживали половину двора, выпускали колечки дыма из приоткрытых тонированных окон и терпеливо дожидались релаксирующего на пятом этаже хозяина. Всплывшее в памяти напыщенное и лоснящееся лицо недавнего гостя вызвало новый укол ревности, как будто у него было право ревновать.

В комнате сгустился душный сумрак, и витал запах легких дамских сигарет. Он понял, что до чертиков хочет курить, но, не обнаружив в кармане привычной пачки, чертыхнулся и с тоской решил, что придется идти домой.

– Ты просил пить. – Из воздушных складок легкого одеяла она протягивала ему бутылку с водой. – А сигареты можешь взять мои.

Он присел на край отглаженной простыни, затыкнулся тошнотворным на вкус ментолом и уронил вмиг отяжелевшие руки между колен.

– Мне надо идти.

– Иди.

– А ты?

– Я здесь живу, помнишь?

– Если ты хочешь, чтобы я остался... – почти против воли пробормотал он и забрал у нее бутылку.

– Это ты сказал, что тебе надо идти.

Упрямая и несговорчивая долгие месяцы, сложившиеся в причудливую цепочку лет, и при этом как никто умеющая быть покорной и преданной, сейчас она будто отстранилась от эмоций и играла чужую роль, а когда потянулась, чтобы ввинтить дотлевшую сигарету в пепельницу, он привлек ее к себе.

– Не рассчитывай, что я так просто уйду.

Она ответила не словами, а стремительными, завоевывающими руками, обвившими его шею. Мужчина и глазом не успел моргнуть, как она потянула его на себя, будто успела соскучиться по еще не остывшим ласкам.

– Подожди!

Он сделал два жадных глотка и водрузил потеющую ледяными каплями бутылку на столик между бокалами, где по кругу, словно пятна проказы, виднелись чужие отпечатки, пока она деловито и сосредоточенно расстегивала на нем рубашку.

В ее приоткрытых губах и в нежных уверенных пальцах, скользящих вверх-вниз по взъерошенному затылку было что-то незнакомое или неузнаваемое, чего он раньше в ней не видел и не подозревал. Она отводила его нетерпеливые руки, ловко выкручивалась из грубоватых объятий, а потом вдруг скользнула на подушки и посмотрела говорящими глазами, и если бы он не поспешил утвердить свое право быть сверху, то мог бы догадаться о многом. Но он был не в состоянии сдержать похоть, и, склонившись над распростертым телом, хрипло спросил:

– Несладко приходится с этими приходящими?

И ее лицо сразу потухло, а ресницы сомкнулись, не позволив ему прочитать ответ. Но мужчине, запутавшемуся в сетях соблазна, не нужны были слова. Он заставил ее изгибаться в попытке удержать ускользающее наслаждение, менял ритм и торжествующе замирал, ожидая, что она даст знак прекратить эту муку. И когда она еле слышно застонала, будто стыдилась своей страсти, и спрятала пылающее лицо между истерзанных подушек, он посчитал себя отмщенным. Почти перекатился на спину, позволив ей бессильно скорчиться возле расписанной золотистыми лилиями стены.

– Довольна? – С самодовольством сытого самца он похлопал ее по влажному, неожиданно прохладному бедру и не заметил, как белеющие в темноте лопатки, словно сложенные крылья, дрогнули и окаменели, пока властная рука ощупывала доставшееся ей богатство женского тела. – Или он умеет сделать это лучше?

– Не говори о других.

Она села в кровати и принялась собирать на затылке волосы с таким серьезным видом, будто это был последний штрих перед выходом на бал, а у подъезда в нетерпении топталась четверка лошадей.

– Да брось! – Сосед перехватил ее напряженный локоть, и было непонятно, к чему относится это «брось» – к ее целомудренному молчанию или к ненужной прическе. – Что ты чувствовала, когда была со мной?

– Тебя, – просто сказала она и уронила кольца волос на плечи. – Хочешь кофе?

– Не надо кофе.

Он уложил ее голову к себе на плечо, высек пламя из зажигалки и с наслаждением вытолкнул в густой воздух струйку серебристого дыма. Но едва он разомкнул объятия, она воспользовалась моментом и отодвинулась. Они в молчании курили одну тонкую и длинную сигарету с прогорклым вкусом ментоловых леденцов, и он морщился и то и дело облизывал сохнущие губы. Силы уходили с каждой затяжкой, и оставалось только лежать, не касаясь друг друга остывающими телами, и подносить ко рту отяжелевшую руку с тлеющим над пальцами огоньком.

Уронив оплавленный фильтр в пепельницу, он задремал, свесив опустевшую ладонь почти до пола, как вдруг горячее дыхание обожгло ему шею, и знакомый голос прошептал в самое ухо «гроза». Он с трудом разлепил тяжелые веки. Женщина жалась к нему брошенным щенком и косилась в плотную стену занавесок, за которой удовлетворенно порывивал далекий гром.

– Как душно! Давай я открою окно.

– Нет!

– Ты боишься? – Он приподнялся на локте, заглянул в побледневшее лицо с распахнутыми, как полуденные цветы, глазами. – Кто в наше время боится грозы?

– Время тут ни при чем!

Ее шепот был едва различим, и он склонился ниже, уже зная, что придется ее спасать, закрыв собой, спрятав среди подушек, приняв губами ее девчоночьи страхи.

– Ты маленькая трусиха, хоть и спишь с серьезными мужиками.

– Я просила тебя!..

Она вмиг забыла об упавшем в колодец двора ливне, о канонадных раскатах над столичными крышами и, как парус на ветру, заметалась в свете ветвистых молний, пробивающихся тусклыми вспышками в зашторенный прямоугольник окна.

– Хочешь повоевать в полную силу?

За звенящим от водяных плетей стеклом на все голоса выли и бесились сигнализации оглушенных машин. В подъездах хлопали двери, выпуская зазевавшихся жильцов. Хрупкие ветки многострадальных тополей осыпались в пенные лужи. В пламени грозовой инквизиции безнадежно полыхали стеллажи с книгами, гравюры и безделушки, привезенные из разных стран. Он расхохотался, вторя стихии, и принялся укрощать еще недавно податливое тело, задыхаясь в змеиных кольцах растрепанных волос. Среди всей этой какофонии ему слышалось, что она тоже рычит и стонет, как пойманная в капкан тигрица, и азарт хищника заставлял его покорять и обладать, отождествляя свою волю с ее желанием и считая сопротивление частью игры.

– Ты прекрасна! – Он с непритворным благоговением погладил ее щеку, тронул губами припухшие губы. – Если бы час назад я только заподозрил, что ты можешь быть такой, я бы позавидовал сам себе.

Она всхлипнула и по-детски вытерла тыльной стороной ладони мокрый нос. Из-под сжатых ресниц все еще сочились обиженные слезы. Он выравнивал дыхание и ждал, что она заговорит, обзовет его идиотом и сволочью или простит и обнимет, но отчужденная женщина слушала жалобные завывания заблудившегося в переулках ветра и молчала.

– Хочешь, я нам кофе сварю? Или пожарю яичницу? Или отнесу тебя в душ?

Его душу затопила непривычная нежность, и хотелось совершить в ее честь подвиг, пусть небольшой, почти пустяковый по сравнению с битвой за привычный государственный контракт, вроде победы над последним драконом или восхождения на вершину мира за бесполезной луной.

– Я хочу спать! – сухо отрезала соседка и, сверкнув глазами, отвернулась к стене.

– Ну, конечно, – глядя в ее сгорбившуюся спину с бессильно упавшими невидимыми крыльями, разочарованно вздохнул он. – Мне тоже пора идти.

Часть 2

Он был слишком погружен в офисную суету, чтобы знать, что в полдень два раза в неделю соседская дверь открывалась, чтобы впустить девушку с круглым румяным лицом, обрамленным разноцветными прядями волос. С ее приходом в холодильнике поселялись продукты, мойка без сожалений расставалась с коричневыми кофейными каплями, белье оказывалось выстиранным и выглаженным, пыль со стеллажей и подоконников исчезала, словно сама собой, а старинные бокалы и рюмки хвастались друг перед другом сияющими боками. Помощница была в меру разговорчива, и хозяйке даже удавалось углубиться в книжку, пока на кухне звенела посуда и в ванной шумела вода. На это время в квартире раздвигались шторы, и женщина жмурилась от солнца и забивалась в угол кровати, будто вела свой род от румынских вампиров.

Если разноцветоволосая девушка и догадывалась, чем живет хозяйка, то осуждения не выказывала и лишних вопросов не задавала, не копалась в бельевых шкафах и не звонила двум десяткам опекаемых родственников в Запорожье. Однако в глубине души помощница хозяйку по-бабски жалела и мысленно рисовала картину неразделенной трагической любви, благодаря которой молодая еще женщина обрекла себя на добровольные муки в одиночестве без надежды завести детей, собаку, телевизор и широколистный фикус.

Ее проворные руки с обгрызенными ногтями делали свою работу споро, в конце дня получали кругленькую сумму и, прижимая к себе разбогатевшую сумку, с трепетом листали в метро рекламные проспекты магазинов, в которых позволительно было эти деньги спустить.

– Вам надо сходить прогуляться, солнышко уже припекает, – настаивала она, складывая постиранные вещи на спинке кресла. – А то вон какая бледная.

– Терпеть не могу бесперечные прогулки. Лучше расскажи, что там происходит.

– Да что там может происходить! – со снисходительным смешком оглядывалась на затворницу неунывающая украинская девчонка. – Все одно.

И начинала ранжировать новости с самой главной – с погоды, которая сегодня незаслуженно радовала всегда хмурых москвичей, или с концерта какой-то новомодной группы, песни которой в этой квартире были бы такими же неуместными, как грохот токарного станка. До глобальных мировых потрясений она добиралась в самом конце рассказа, упоминая о них сухой телетайпной строчкой. Почти всегда безразличная слушательница обреченно кивала и догадывалась, что скоро в ее квартире сменится гость, потому что отношения между Москвой и Европой портятся. Или в Азии палестинцы и евреи снова затеяли воевать. Или здравомыслящий американский бизнес больше не желает хоронить в бездонной яме российской экономики кровные миллиарды.

– Зачем вам столько красивых вещей, если вы их совсем не носите? – сокрушалась девушка, вернувшись в привычный материальный мир, как стрелка компаса к северу.

Хозяйка улыбалась одними губами и уверяла, что носит. Она догадывалась, что та считает себя невезучей, потому что на голову выше и на два размера больше. И эта ее молодая здоровая статья не позволяет надеяться получить что-нибудь «совершенно ненужное» в подарок, как это частенько случалось с ее подружками, нашедшими свое счастье в уборке квартир богатых иностранцев. Впрочем, ни один из этих «жертвователей» не платил своим работницам столь же щедро. Чаше всего работодатели ходили по квартире с белым носовым платком и возмущались нечистоплотностью местных девчонок, забывших протереть пол под тяжеленным диваном, который сдвинуть с места было под силу только дюжим грузчикам, затащившим его в дом. И лишь хозяйка маленькой квартирки никогда не перепроверяла, как выполнена работа, поэтому помощница иногда позволяла себе схалтурить. Правда, закончив трудовые подвиги, она вспоминала, что убогих обманывать стыдно, и в другой раз терла ванну или полировала вазочки с особым рвением.

Однажды она задержалась дольше обычного, раскладывая выглаженное белье по полкам, и опередила хозяйку, когда в дверь позвонили. Грузный мужчина, ввалившийся в полутемное пространство, увеличенное искривленным зеркалом, переводил водянистые глаза под кустистыми бровями с одной женщины на другую.

– Она уже уходит! – засуетилась покрасневшая хозяйка и отобрала у помощницы тускло отливающую серебром ночную рубашку.

– Это дочка? – спросил визитер, продолжая пялиться на девушку.

– Подруга, – зачем-то солгала женщина и подтолкнула его в комнату. – Проходите, я сейчас. А ты можешь идти.

Помощница с изумлением уставилась в спину гостя, но хозяйка сунула ей в руку конверт и накинула на плечо ремешок от потрепанной джинсовой сумки, стоявшей кучу денег на распродаже на Кузнецком мосту.

– Это ваш поклонник? – зашептала девушка и сделала недоумевающие и жалостные глаза. – Он же толстый и старый. Противный!

Хозяйка вздохнула и посерела лицом, словно впервые глазами неопытной девчонки увидела себя рядом с этим и другими «поклонниками», приходящими в ее дом.

– Ужас какой! – бормотала помощница в закрывающуюся дверь. – Оно того не стоит.

Но хрустящий банкнотами конверт два раза в неделю, дорогие наряды в старом шкафу со скрипучей дверцей, маленький засыпной сейф в углу комнаты, целомудренно прикрытый ажурной салфеткой, убеждали ее лучше любых слов, что еще как стоит и стоит немало.

Затворница щелкнула замком и несколько секунд смотрела невидящими глазами в коричневый дерматин, как в зеркало, а потом распустила тугой узел волос и, убрав с лица выражение безысходной брезгливости, появилась перед гостем со штатной улыбкой.

– Вы сегодня раньше обычного. Что-то случилось?

Навещать ее так часто, как требовало вождение, сосед не мог. Но желания не подчинялись разуму и вспыхивали в нем внезапно и неосознанно, стоило услышать запах ментоловых сигарет, склониться над чашкой эспрессо или увидеть в сувенирной лавке непритязательную безделушку. К счастью, мысли о ней приходили только в минуты отдыха. Даже в периоды «серьезных» юношеских влюбленностей вся его жизнь была подчинена работе.

Поначалу работа до отказа заполнила его офисный мир, что было по молодости еще закономерно и объяснимо. Однако очень расторопно она добралась до обеденных перерывов и перекуров и научилась удерживать его от порыва влиться в поток спешащих домой «белых воротничков». Однажды она шагнула за оговоренные рамки, захватила пространство машины, столовой, отсудила для себя кабинет в квартире и подчинила своему распорядку выходные и праздники. Для себя ему осталось до смешного мало места: краткие измены женам в гостиничных номерах, пара стоек в шумных барах, душ и спальня, куда работа тоже намеревалась прорваться, и откуда он гнал ее, осознавая, что нельзя сдать последний оплот свободы и продолжать оставаться человеком. С момента, когда он понял, что не он владеет делом, которое выбрал и в котором добился успеха, а дело овладело им всецело и почти без остатка, прошло не так много времени. Это понимание пришлось на трудный возраст «свершений» после сорока, который мужчины тратят на поиски истины. Чаще всего находки ограничиваются очередной длинноногой красоткой, годящейся в подружки подростковой дочери и прельстившейся красной спортивной машиной и неизбежным ролексом.

Именно тогда его персональной соблазнительницей стала маленькая квартирка с окнами на запад, и до грехопадения ему и в голову не приходило, что эту пьесу написала женщина. Не такая молодая и эффектная, как ему нравились, бесстыдно доступная для других и в то же время нарушившая привычные рамки и стереотипы. Она смогла противостоять войску, захватившему мир вокруг него и легко и незаметно начала отвоевывать в этом мире пространство для себя. Сначала в столовой и даже в кабинете, что объяснялось близостью ее собственного

мира за смежной стеной. Потом он увозил мысли о ней на работу. И они тянулись за ним от подъезда, как шлейф ее духов или сигаретного дыма. Потом краткие перекуры возвращали его в томительные дымные часы в зашторенной комнате, и он застывал, почти физически ощущая ее прикосновения, и пропускал мимо ушей обращенные к нему слова. Во время обедов с набившими оскомину разговорами о плане, договорах, налоговых льготах и акционировании он прозревал, что сорока пяти минут для еды много, а для близости с ней – мало. И задыхался от ревности, рисуя себе совсем не пасторальные картины, где она принимала очередного любовника, который мог провести в этом доме не только обед, но и задержаться до ночи, пока иномарка терпеливо урчала во дворе. Теперь по окончании рабочего дня, заслышав шуршание одежды и цоканье каблучков в коридорах здания, он торопился подписать, дочитать, отослать. Громко негодовал, глядя на неумолимо краснеющие маршруты на электронных картах города, оттого, что каким бы путем он ни выехал, час или полтора уйдут на преодоление жалких семи километров. И дорога обернется пыткой, потому что всякую минуту придется думать о женщине, о стоящей под парами машине, о смятых простынях в полумраке комнаты, паутинке трещин на китайском лаке и бриллиантовых брызгах воды в ее волосах.

– Как решился твой вопрос с квартирой?

Это единственное, что захватило его внимание, хотя собеседник разорялся уже минут двадцать, в течение которых ему даже удавалось в нужных местах хмуриться и кивать.

– Я с ней сплю, – ответил он невпопад.

Неосторожное мальчишеское признание прозвучало, как пушечный выстрел. Он встретился глазами с человеком, который много лет понимал его с полуслова, и был неприятно поражен осуждением, которое в них увидел.

– Не вздумай ничего ляпнуть!

Для него не было секретом, какими словами прокомментирует адюльтер сидящий напротив человек. Это были его собственные слова, его мысли, его сомнения и обиды.

– Надеюсь, ты знаешь, что делаешь. А что жена?

О той, другой, запретной, говорить было рискованно, зато не возбранялось оторваться на этой.

– А что жена?! – взвился он. – Может, мне у нее совета спросить?

– Ты нарываешься на скандал как будто специально. Гулять там, где работаешь и где живешь...

– Скандала не будет, – мрачно огрызнулся он и прикурил от умирающей сигареты, как путник на ветру. – Откроет рот – закроет за собой дверь.

– Ну, если оно того стоит...

Партнер никогда не выказывал лишних эмоций, тем более, по таким пустякам, и сейчас не стал читать дружеских нотаций, хотя в душе был удивлен, что на весах знакомой ему жизни балансировали такие несравнимые ценности, как брак и сиюминутная связь.

– Но ты же не ходишь к ней прямо туда? – осторожно уточнил он и догадался об ответе по хмурой растерянности собеседника. – У тебя ведь есть номер.

Соседу и в голову не приходило умыкнуть ее в гостиничное раздолье на окраине Москвы с поскрипывающей кроватью «для молодоженов». Подальше от их общего дома, от машин со знакомыми номерами и дворовых бабушек чекистской закалки с цепкими глазами за толстыми стеклами очков. Это было так же дико, как высадить в заснеженную клумбу экзотический африканский цветок.

А ведь, пожалуй, попробовать стоило. И тогда его не будет преследовать чужой запах и вид скомканных простыней, и не будет сводить с ума шелковый халатик и заправленная за ухо прясть волос. Не будет повода ревновать ее к пассажирам залетных иномарок. Останется только она. И какой она будет за пределами своей убогой норы? Ведь он никогда не видел ее в платье и на каблуках, с украшениями в ушах и на шее, при дневном свете, среди других людей.

Узнает ли он ее в коридоре перед дверью номера, где побывали все его случайные и неслучайные подруги?

И почему такая простая мысль не приходила ему в голову раньше? Надо просто вывести ее «из тени», пригласить в ресторан, рассмотреть, как дотошный энтомолог изучает новый вид мотылька, припигуленного булавкой, и убедиться, что вся ее загадочность и непостижимость – это такой же «пшик», как незамысловатые капризы второсортной певички в поисках богатого мужа.

– В отель, говоришь, – хмыкнул он, когда друг уже и думать забыл о своем вопросе. – Поедемте в номера, мадемуазель.

– Я не пойду. – Женщина потрясла все еще влажными волосами и зябко запахла полы халата. – Я быстро устаю от толпы.

– Есть чертова прорва маленьких ресторантиков, где почти всегда пусто, – продолжал настаивать он, звериным чутьем угадав, что она будет отчаянно сопротивляться. – Я всегда удивлялся, как они умудряются выживать.

– Почему для тебя так важно вытащить меня из дома? Или ты думаешь, что я не умею вести себя на людях? Или что у меня страшное заболевание, не позволяющее мне бывать на солнце?

– Не ерничай, я всего лишь предложил сходить в ресторан.

Сегодня она была несколько взвинчена, и сосед насупился, как филин в полдень.

– Не злись! – Проходя мимо, она почти невесомо коснулась его плеча. – Зато здесь мы можем делать все, что хотим.

– Я и там могу делать все, что хочу, – с апломбом заявил он ей вслед, и она обернулась от двери и понимающе улыбнулась. – И не вздумай во мне сомневаться!

– Как я могу, мой господин!

Она вернулась, опустилась на ковер возле его кресла и прижалась щекой к его колену. В этом ее театральном жесте было больше покорности и преданности, чем иронии, и он, не поверивший словам, вмиг забыл, о чем они спорили минуту назад.

– Черт с ним, с рестораном. – Он утонул пальцами в темных кудрях, побежавших до самого пола. – Мы и дома поедем.

Хозяйка квартиры едва заметно кивнула, будто с неохотой подчинилась его воле, а не вынудила его сделать по-своему.

– Ты вертишь мной, как собака хвостом, – вслух догадался он, оказавшись рядом на ковре.

– Или как хвост собакой.

На этот раз ей пришлось скрывать улыбку под опутавшими его шелковистыми прядями с изысканным ароматом цветущего апельсинового сада.

– Похоже, у этой новый поклонник, – сквозь зубы невнятно заметила жена, когда он на сон грядущий плеснул себе виски в хрустальный стакан и зазвенел кубиками льда. – Вылитый мафиози в дипломатической машине. Может, итальянец или вообще турок. И где она ухитрится их цеплять?

– Прямые поставки из-за границы, – бездарно ляпнул он, пролив жидкость на блестящую поверхность стола, и с досадой принялся выжимать намокший манжет рубашки.

– Думаешь, она из эскорт-услуг? – подхватила тему жена, будто не заметила его неловкости, и тут же вступила в диалог сама с собой. – Да она почти никуда не ходит. Сидит такаямышь в подполе, а мужики меняются, как в эстафете.

Мысль о том, что грязное сутенерское агентство управляет ею, словно балаганной марионеткой, была нестерпимой, как зубная боль. Он молча покосился на супругу и вытер пальцы о рубашку.

Его издавна занимал вопрос, почему молодая и привлекательная женщина ведет отшельническую жизнь за шторами в крохотной квартирке с безнадежно устаревшей мебелью и необходимым минимумом технических новшеств. Без родственников и школьных подруг, без комнатной собачонки с визгливым голосом, без красно-бурой герани в горшках, наедине с книгами, сигаретным дымом и собой.

– Перестань! – рассмеялась соседка, когда он заговорил о ее почти аскетическом уходе от мира. – Я бываю на театральных премьерах и на вернисажах, изредка езжу отдыхать на ипподром и даже хожу на скучнейшие приемы. Не каждую неделю, конечно, но все-таки выбираюсь из своей берлоги.

И, чтобы развеять его недоверие, сняла с книжной полки массивный альбом со снимками.

Убогое жилище с выцветшими обоями, красноватый свет бра над широкой кроватью и огарки свечей в тяжелых подсвечниках, шелковое неглиже и небрежно скрепленные на затылке волосы – вот тот образ, который он воскрешал в памяти всякий раз, когда думал о ней.

Листая страницу за страницей, он едва узнавал в эффектной красавице, не обращающей ни малейшего внимания на щелкающую камеру фотографа, свою запершуюся от мира соседку. Гибкие пальцы в бриллиантовых переливах, поднесенные к накрашенному рту, меховая накидка, приоткрывающая обнаженное плечо, холодновато-внимательные глаза, вспыхивающие огнями ресторанных люстр – неужели и это тоже она? Неприятным откровением стала целая серия изображений, где рядом с ней засветились разновозрастные мужчины в смокингах и костюмах, с массивными «печатками» и неизменным самодовольством на лицах. Но еще непривычнее оказались снимки, где она кормит с руки вороную лошадь, до рези в глазах сияющую блестящей шкурой, отчего казалось, что шкура припудрена лунной пылью.

– Это – Порта, моя кобыла, – буднично, словно речь шла о фарфоровой статуэтке из серванта, какие нынче за копейки продают замшелые бабушки на барахолках, пояснила она и перевернула альбомный лист.

Он невольно прикинул, что такая кобыла стоит гораздо дороже новенькой иномарки, но «дура без фантазии» не испытывала никакого почтения к деньгам и вещам.

На новом снимке женщина в короткой серо-голубой шубке, выходящая из автомобиля с французским флагом на капоте, глянула ему прямо в глаза, и он поежился и перевернул страницу. Потом ее стало слишком много: в круглом зале с колоннами и оркестром, в плену чьих-то властных рук, за столом в интерьере шикарного ресторана, на широкой лестнице среди изысканно одетых мужчин и женщин, лица которых казались мучительно знакомыми.

– А здесь...

Соседка ткнула пальцем в центр фотографии, где сияло круглое лицо градоначальника и по краям спиралью закручивались профили и затылки, и она стояла под руку с высоким человеком, так похожим на... Но он перехватил ее руку и без почтения к званиям и статусам обрушил на пол альбом.

– Оказывается, я ничего о тебе не знаю. И не хочу ничего знать!

– Ты же сам попросил, – недоумевающе улыбнулась женщина, возвращенная с бала в привычную тесную каморку на пятом этаже.

Но сосед был сыт по горло своим опрометчивым любопытством и больше ни о чем просить не собирался.

– Иди ко мне, – потребовал он, сжимая ее так крепко, что между ними не осталось пространства не только шагнуть, но даже вздохнуть.

– Какой же ты все-таки... мужчина, – прошептала она, и за пределами ее квартиры под снисходительной усмешкой обычно равнодушных небес с грохотом обрушился привычный и посчитанный до мелочей мир, словно пирамида из детских кубиков.

Будни с ней превращались в праздники, а праздники и выходные в собственной квартире – в пытку. Будни без нее были испытанием, проходить которое достойно у него не получалось. Иногда посреди совещания сосед вдруг вспоминал, что в этот самый момент она открывает дверь другому мужчине, и тогда внезапная вспышка ярости освещала его кабинет, и подчиненные переглядывались с неподдельным испугом и изумлением. «Это возраст такой», – со вздохом поджимала силиконовые губы его секретарша и торопливо утыкалась в монитор, стоило ему появиться на пороге приемной.

– Ты становишься невыносим, как девица перед месячными. – В пьяном откровении за стойкой бара партнер не стеснялся в выражениях, перекрикивая орущую музыку. – Только у них это за три дня проходит, а у тебя затянулось.

– Я чувствую себя идиотом, – пожаловался не менее пьяный сосед и заглянул в свой стакан с надеждой увидеть внутри что-нибудь более утешительное, чем виски. – Вроде живу нормально. Дел по горло. Есть, о чем беспокоиться. А потом вспомню, и все.

– Тебе нужна ее квартира, – констатировал собутыльник и бросил в его выпивку горсть кубиков льда. – Ты перепутал цель и средства.

– Ничего я не перепутал. Мне нужна ее квартира. – Он с бычьей решимостью мотнул головой, и лед негромко звякнул, как отзвуки дверного звонка. – А потом появилась она, и все пошло кувырком.

– Она всегда там была.

– Всегда.

– И она шлюха.

– Шлюха.

– Отнеси в ментовку заявление, что у вас на этаже организован бордель, и пусть власть разбирается с выселением.

– Пусть, – согласился с неоспоримыми выводами он и поднял на друга осоловевшие глаза. – А как же она?

– купишь ей жилье в замкадье, и пусть себе трудится дальше.

– А я?

– А у тебя появится гардеробная. И семья. И ты перестанешь вести себя, как идиот.

– Точно. – Он допил свой виски и поднялся. – С глаз долой, из сердца вон.

– Ты куда? – удивился друг, отведя услужливую руку бармена от края своего стакана. – Завтра же выходной.

– Надо ее предупредить, что она уезжает.

– Вот именно, скажи, что раньше таких, как она, вообще выселяли за сотый километр.

На парковке, неловко вскарабкавшись за руль своего внедорожника, он пожалел, что отпустил шофера. Голова продолжала функционировать, а вот тело слушалось команд через раз. Пьяный водитель поставил селектор на «драйв» и спугнул стайку девушек, толпившихся возле бара. Внедорожник остановился в полуметре от входа, с минуту подумал и рывком сдал назад на проезжую часть. Сзади нервно засигналили, но он вклинился в запруженную машинами улицу, как танк в середину кавалерийского полка, раздвигая смехотворных соперников мощью всех своих лошадиных сил. Хорошенькая девушка с неодобрением рассматривала его из приземистой корейской машинки в соседнем ряду. Он опустил стекло и недвусмысленно кивнул на пустующее пассажирское сиденье рядом с собой. Девушка обиженно надула губки и что-то сказала вглубь салона, где тут же забурили темпераментом пассажиры мужского пола, и из приоткрытого окна задиристо рванулась восточная музыка.

«За сотый километр, – скривившись, напомнил он себе и полез за сигаретами. – Всех шлюх за сотый километр. И спонсоров их. И этих, которые, как тараканы, заполнили город. И вообще всех. А еще лучше – свалить куда-нибудь подальше. В Майами, например. Пляжи, много денег, горячие кубинские красотки и ураганы». Размышление об ураганах вернуло его

в реальность вечерней Москвы, стоящей в сплошной многокилометровой пятничной пробке. Ураганы, с легкостью телепорта перемещающие коров, машины и целые дома, без спроса врывались в жизни людей на далеком побережье, а ему никак не удавалось вырваться из пробки, чтобы сказать соседке, что он пришел в ее дом не ради любовных утех, доступных за деньги респектабельным господам. Что он сыт по горло этими играми и хочет поставить точку. Окончательную. Необсуждаемую. Прямо сегодня.

Возле дома он вывалился из машины, несколько не протрезвев за время в пути, и по привычке поднял голову к ее безмолвным окнам. За тяжелыми шторами не было жизни, как на далеком Марсе. Зато у подъезда, от которого его отгораживала незнакомая машина, какой-то тип держал ее руку в своей и, склонившись над собственным обширным брюхом, светился улыбкой чеширского кота. Не будь того альбома с фотографиями, он бы никогда не узнал свою соседку в стройной женщине, благосклонно протянувшей руку для поцелуя и не ведающей, как забрать ее обратно у пылкого поклонника. Поклонник, не останавливаясь на достигнутом, свободной рукой примеривался к ее талии. Она что-то сказала и мягко отклонилась назад.

Сосед, наблюдавший этот альковный танец, почти протрезвел и хищником замер у нее за плечом, в упор разглядывая соперника. Под его взглядом, отягощенным ревностью, улыбка ее спутника превратилась в кляксу и расплылась неопределенным пятном, а рука соскользнула с ее талии, как ослабивший смертельную петлю питон. Соседка опасливо повернула голову в направлении изменившегося взгляда мужчины и побледнела.

– Я тебя прошу...

Но так ни о чем и не попросила. Он качнул головой, отмечая мирный путь. Она высвободила пальцы из миглом вспотевшей ладони ухажера и отступила на безопасное расстояние с предусмотрительностью дамы на рыцарском турнире.

– За сотый километр вас, сволочей! – Сосед встряхнул тяжелый куль в дорогом костюме за лацканы. – Всех до единого. И чтобы пахали и пользу приносили! Слышишь меня? Не чужие поля вспахивали, а народные, колхозные! Ты понял?

– Ты пьян, – заключила она за его спиной. – Иди домой.

Он на мгновение отвлекся на ее осуждающий голос, чтобы сказать, кому куда следует идти, и в следующую минуту оказался на земле с фейерверком искр перед глазами и гудением в ухе.

– Что это было?

На ладони, которую он отнял от звенящей головы, темнела кровь. Так много крови он увидеть не ожидал и для уверенности потрогал себя другой рукой. Результат был предсказуемым.

– Зачем ты полез? Как маленький! – Она вытащила из мягкого клатча бумажный платок и приложила к его разбитому лицу. – Вставай, на нас смотрят. Давай я вызову такси и отвезу тебя к врачу.

– Что это было? – повторил он, прижимая пропитавшийся кровью платок к рассеченной брови. – Этот тюлень не мог...

– Нет, конечно. Это его шофер. Их так учат – шофер и телохранитель в одном лице. Слава Богу, что он не стал стрелять.

– Это он меня пистолетом или кулаком?

– Я не заметила. Тебе надо к врачу.

– Обойдусь! – Он рывком поднялся на ноги, обнаружив, что снова может владеть своим телом, и оттолкнул протянутую руку. – Я не настолько пьян.

– Уже нет, – согласилась она и как ни в чем не бывало пошла к подъезду, как будто только что не была главным призом в противостоянии двух самцов.

Он прищурился одним глазом на огни отъезжающей с поля боя машины, потом на окна своей квартиры, льющие во двор мягкий приглушенный свет, и потащился следом за женщиной, провожаемый понимающими взглядами случайных свидетелей инцидента.

– Где ты была? – Забыв об испачканных руках, он развернул ее в лифте лицом к себе и придвинулся вплотную. – Почему ты не дома в такой час?

– У меня была встреча, папочка.

Ее глаза светились насмешкой и сопереживанием, и он не мог понять, чего в них больше. Его дыхание стало громким и прерывистым, и он прижал ее к стенке лифта, отбросив промокший насквозь платок. В ее взгляде промелькнул испуг, когда она увидела открытую рану, но он прочитал эту эмоцию как унижительную жалость и грубо стиснул ее в руках.

– Такой я тебе не нравлюсь? Тебе нравится дразнить меня?

– Такой не нравишься, – неожиданно холодно согласилась она и не ответила на воинственный поцелуй, которым он запечатал надменно сжавшиеся губы.

Лифт остановился на пятом этаже и распахнул двери, приглашая жильцов разойтись по домам, но мужчина шарил руками по узкому платью, страстно ощупывая свою спутницу, как будто боялся, что за пределами квартиры она растеряла свои округлые прелести. Лифт терпеливо ждал в отличие от соседей, которые двумя этажами выше в негодовании стучали по металлическим дверям и витиевато ругались.

– Кровь все еще идет. Нужно обработать, – увещевала его она, уклоняясь от поцелуев. – Дома есть перекись и пластырь?

– Дома есть все, – сквозь стиснутые зубы сказал он и, не выпуская ее из рук, вышел из лифта. – Все, кроме тебя.

– Тебе лучше пойти к жене. – Соседка перешла на шепот и покосилась в сторону итальянской двери с темнеющим посередине глазком. – Если она видела в окно...

– Мы пойдем к тебе, – тоном, не терпящим возражений, процедил он. – Даже если она видела.

Из зеркала в прихожей на них глянула странная парочка. Женщина в изящном кремовом платье, на котором причудливым узором сходились и расходились бурые отпечатки ладоней, и мужчина с залитой кровью половиной лица, как из старого американского триллера о маньяках.

– Хороши же мы с тобой, – усмехнулась соседка их отражениям и ушла искать в аптечке необходимые медикаменты.

Он наклонился к зеркальной поверхности, рассматривая рассеченную бровь, с легким головокружением то ли от остатков выпитого, то ли от удара, свалившего его на асфальт. «Это уже вообще ни в какие ворота, – согласился со своим двойником он и свирепо прищурился. – Дратись из-за бабы. Из-за шлюхи. Да если бы кто-нибудь раньше мне такое сказал...»

– Он лапал тебя при всех! – Перекись шипела и пенилась в ране, и он морщился и норовил отвернуться, но женщина настойчиво возвращала его голову в исходное положение и продолжала медицинские процедуры. – Ты поощряла его.

– Я устала и хотела домой. А он все никак меня не отпускал.

Она оправдывалась с таким безразличием, будто находилась мыслями где-то далеко.

– Ты обслужила его в машине?

Он хотел ударить побольнее, но его слова не достигли цели. Вместо того, чтобы обидеться, она наклонилась и примирительно поцеловала его в уголок рта.

– Нет.

– Если ты лжешь...

– Хочешь проверить?

Она бережно соединила расходящиеся края раны, прикрыла ее марлевой салфеткой и водрузила ему на лоб полоску пластыря.

– И проверю! – решительно заявил он, поднимаясь с табуретки.

– Лучше бы тебе съездить к врачу, там зашьют.

Соседка намыливала руки, пока он с садистской неторопливостью расстегивал бесконечную молнию на ее платье и наблюдал за ее лицом, отраженным в большом зеркале.

– Я куплю тебе другое платье, – пообещал трезвеющий сосед, трогая губами обнажившийся овал плеча. – Много платьев. Украшения, какие захочешь. Все, что пожелаешь.

Она откинула голову назад, подставляя шею под его поцелуи, и закрыла глаза, отдаваясь во власть его рук и его голоса, не слушая слова, не желая вникать в смысл сказанного.

– Ты слышишь, я куплю тебе все! А взамен...

– Взамен? – Она удивилась, впустив это словечко из их давнего спора в свое сознание, и распахнула глаза. – Ты покупаешь меня?

Сейчас было самое время сказать о квартире и о том, что эта история не может дольше тянуться, что его ревность стала постоянно зудящим струпом, а ее приходящие любовники отравили ему каждый час жизни. Следовало сказать и о том, что мучиться вдали от нее и рядом с ней выше его сил, что нельзя забывать обо всем в ее объятиях и помнить ее объятия на работе, в компании друзей, в супружеской спальне, везде. Заявить, что нет смысла отказываться от привычной жизни, от пятничного перебора телефонов старых подружек, от новых знакомств, от пустующего гостиничного номера, оплаченного на много месяцев вперед. Невозможно вспоминать о ее квартире не как о будущей гардеробной, а как о пристанище, куда стремишься поскорее вернуться из офиса, из отпуска, из-за стены, из понятного мира, когда-то обустроенного с любовью и со вкусом. Нельзя думать вообще ни о чем подобном, потому что это всего лишь крохотная квартирка и чужая женщина в ней, которая сводит его с ума своей почти рабской покорностью и необъяснимой непокорностью, своими теплыми улыбками и ледяной холодностью, своими редкими объятиями и каждодневным предательством.

И если прямо сейчас все это взять и сказать... Не будет больше ни женщины, ни этих поцелуев, ни душного безумия в сигаретном дыму. Останется только обнажившаяся правда: куда бы он ее ни выслал – ни в отдаленный московский район, ни за сто километров от Москвы или даже на другой материк – ему нигде отныне не будет покоя.

– Боюсь, ты мне не по карману! – насупился он. – Ни ты, ни твоя квартира.

– Ты решил возобновить разговор о покупке?

– А ты продашь? – огрызнулся он и потрогал пропитавшуюся кровью салфетку под пластырем.

Соседка пожала плечами, свергнув его в следующую волну сомнений, завернулась в шелковый халат и отправилась готовить традиционный кофе. Он поплелся следом, как побитый пес.

– Болит? Может, таблетку?

– Коньяк поможет.

– Едва ли. – Она покачала головой, осуждая его упрямство. – Он даже душевные раны не лечит.

– Смотрю, ты и в душевных ранах разбираешься.

– Это плохое место. – Соседка отказалась попадаться на удочку его ехидства. – Но до свадьбы заживет.

– Никаких свадеб больше. Надеюсь, я сдохну раньше.

– Останется шрам. Что ты скажешь жене?

– Чтобы не забыла сдать в чистку костюм.

Она фыркнула, не в силах удержаться от смеха, но тут же посерьезнела, опасаясь, что он обидится.

– Зато юные девушки будут находить твой шрам весьма сексуальным.

– Тебе нравится моя разбитая морда?

– Я знаю историю с начала. Но им ты можешь рассказывать, что спасал принцессу от разбойников.

Он поморщился то ли от боли, то ли от пустой беседы, которую приходилось поддерживать.

– Давай обойдемся без банальностей.

– О чем ты хочешь поговорить?

– О погоде пойдет? Или расскажешь мне, откуда взялся этот?

Она покачала головой, осуждая его грубость и бесцеремонность, и забралась с ногами на кровать, отодвинувшись в самый угол. Ее рассеянный взгляд бродил по книжным полкам и лишь изредка пробегал по нему отчужденно и устало, словно вопрошал «Когда же закончится этот вечер!» Сосед делал вид, что не замечает напряжения между ними, трогал ноющий лоб и регулярно прикладывался к бокалу, пока бутылка коньяка не опустела.

– У тебя есть еще? – Он с сожалением взболтал последние капли на дне. – Сегодня твой коньяк меня берет.

– Ты уже был пьян, когда приехал.

– А сейчас трезв. Есть еще?

– Тебе надо домой.

– Я сам знаю, что мне надо!

– Боюсь, что не знаешь.

– Зато у тебя есть ответы на все мои вопросы! Про меня, про мои проблемы! – вдруг взревел он, превратившись из мирного гостя в захватчика. – Ты влезла в мою жизнь...

Он осекся, не зная, чем окончить неожиданный монолог. Она не дождалась финала и в молчании ушла в ванную, оставив его в компании остывшего кофе и тлеющей сигареты.

Через полчаса он обнаружил ее примостившейся на краю ванны. В раковине с ровным конспиративным шумом плескалась вода, а соседка с высохшими слезами на отрешенном лице смотрела в стену.

– Что на этот раз? – проворчал он и взял ее за плечо, опасаясь услышать поток обвинений в свой адрес и испытывая неловкость от того, что, наверняка, часть из них будет вполне заслуженной.

– Ты считаешь, что моя жизнь лишена смысла?

– Приехали, – с облегчением вздохнул он и покосился на свое разбитое лицо, во всей красе отраженное в зеркале. – Только санитарно-гигиенической метафизики нам не доставало.

Но она не оценила шутку, и с минуту они слушали льющуюся воду, словно та была полноценным собеседником в разговоре.

– Значит, чтобы состояться, надо выйти замуж, нарожать ребятишек, обустроить семейное гнездо?

Он инстинктивно отдернул руку, словно под пальцами шевельнулась не живая человеческая плоть, а чешуйчатое тело ядовитой рептилии.

– Ты же не думаешь, что один из этих предложит тебе замужество, даже если услышит благую весть о твоей оплодотворенной яйцеклетке? – Брезгливость и ревность снова взяли его в осаду. – Максимум, на что такие, как ты, могут уповать, – это пойти четвертой женой в гарем какого-нибудь захудалого эмира.

– Такие, как я? – почти по слогам повторила она.

– Скорее, наложницей, – развил свою мысль он. – Ни один приличный араб не женится на тебе.

– Я лишь спросила тебя о роли женщины в обществе.

– О роли женщины ты все прекрасно знаешь. Но у тебя другое амплуа.

– Тебе лучше уйти.

Она опустила голову, скрывая лицо за прядями распущенных волос.

– Ты выставляешь меня за правду?

Она ответила ледяным молчанием, и он громче обычного хлопнул входной дверью, уже за порогом окончательно осознав, что сказанная им правда мало чем отличается от пощечины.

Никогда прежде соседка не сердилась дольше пятнадцати минут, а тут вдруг выяснилось, что у нее вдоволь ослиного упрямства и вместо тонких нервных окончаний стальные пружины, позволяющие не отвечать на настойчивые звонки, которыми он мучил оба ее телефона. Тишина за дверью почти зримо наполнялась ее затаенным дыханием.

– Это глупо, – еле сдерживая раскаты командного голоса, увещевал он невидимую собеседницу и, как затаившийся в засаде хищник, ловил шорохи из ее прихожей и звуки в подъезде. – Не упрямясь! Давай поговорим, как взрослые люди.

Но «как взрослые люди» она не соглашалась, и ему оставалось только ждать, когда она оттаит и спустится к нему с неприступной скалы своей обиды.

– Я уезжаю, – наконец прозвучал ее неуверенный голос в разверзшейся щели между косяком и дверью. – Сколько ты дашь за все?

– За что? – растерялся он.

– За мою квартиру со всей обстановкой.

– Так ты все уже решила?

Он толкнул дверь плечом и ввалился в знакомое зазеркалье, из которого на него глянуло его собственное искаженное недоумением лицо. В углу рамки с его отражением шелохнулась неясная тень.

– Черт! – выдохнул он, заблокировав выход в коридор, и поймал почти бесплотную темную тень в кольцо рук. – Так и спятить недолго. Голос есть, а тебя нет.

– Меня нет, – с горечью согласилась соседка. – Меня и раньше не было. Я – твоя фантазия.

– И не пожалеешь об этом.

– Откуда тебе знать, о чем я жалею.

– Без разницы! Если я здесь, значит, мы оба этого хотим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.